

шей части груза и выработав топливо, стал легким. Он садился и взлетал без всяких проблем.

Начали снижаться. Посреди болота показалась деревянная вертолетная площадка, от которой в тайгу шел настил. Вокруг площадки в кустах стояли люди, стараясь не упасть под напором воздуха, и каждый смотрел на нас через какой-нибудь объектив, включая объектив профессиональной видеокамеры.

Первый вопрос, который я услышал, когда рев улетевшего вертолета стих, был: «Do you speak English?» (Ты говоришь по-английски?). Я ответил: «A little» (Немного), — и началось мое первое на Тунгусской земле интервью для итальянской телекомпании.

Я рассказал, что мы привезли с собой мощный георадар, и что основная цель нашей экспедиции — получить радиолокационные профили многочисленных кратеров Тунгусского метеорита.

Итальянцы прилетели на неделю, им оставалось быть здесь еще два дня. Все они телевизионщики, в России первый раз, кроме итальянки, которая уговорила своего американского мужа поехать вместе с ней.

Американец рассказал:

— Она была здесь в прошлом году, когда отмечалось столетие метеорита и приглашали всех желающих за минимальную оплату. Вернулась не в себе и заявила, что обязательно поедет на следующий год. Совершенно меня заинтриговала. Пообещала, что впечатлений хватит на всю жизнь. И не ошиблась. Конечно, очень тяжело, но таких диких и красивых мест я нигде еще не видел.

Слова «очень тяжело» относились ко вчерашнему их переходу по болотам от озера Чеко до заимки, на который они потратили восемь часов. Ребята, инспектора Тунгусского заповедника, сопровождавшие группу, возмущались:

— Дохлые они какие-то, мы проходим этот маршрут за два часа!

Итальянцы были в полушоковом состоянии буквально от всего. Инспектора рассказывали, что в первый день они интересовались, где можно купить пиво, но потом стали понимать истинное положение вещей.

Жизнь им непрерывно преподносила все новые сюрпризы.

Вчера, придя на заимку, поставили палатку и пошли пить чай. Зашедший с тылу медведь одним ударом лапы распорол ее на две части.

Инспектора объяснили им, что палатка — это консервы для медведей, и ночевать здесь можно только в двух зимовьях.

Но медведь приходил ночью и к зимовью, пытался открыть дверь, оторвал ручку и выдрал часть мха из стены. Вот, наверное, натерпелись страху!

Инспекторам, которые выполняли роль охранников и вооружены карабинами СКС, было дано указание: в случае пересечения медведем черты лагеря его убивать, поскольку это является угрозой для жизни, но просили, по возможности, не делать этого в присутствии итальянцев.

Еще их поверг в шок старинный сибирский способ мытья посуды, когда хозяин отдает свою чашку собаке. Собака ее вылизывает до блеска так, как сам не вымоешь, тем более что на заимке вода только из болота и по цвету похожа на чай. Процесс был заснят на камеру.

Но больше всего поразили их размеры нашей страны и наличие столь диких мест, где даже пиво не продают.

Комары, наряду с медведями, хозяева этих мест. Практика показывает, что «Дэта» — самый лучший реппилент, в тайге его хватает минут на двадцать.

На болоте комары питаются всем, в том числе и «Дэтой», спасение одно — противомоскитная сетка. При движении тучи комаров вызывают ощущение сопротивления, как при попытке бежать в воде.

Местные ребята-инспектора говорят, что настоящей революцией оказалось появление «Фумитокса»:

— Сожжешь пластинку — и можешь в зимовье полночи спать. Потом еще одну. А до этого чего мы только не делали: затыкали щели, жгли разную траву — все без толку. Правда, от «Фумитокса» собаки вылетают из зимовья не хуже комаров, наверное, чувствуют какой-то сильный запах.

Американец любовался тайгой, старинным лабазом, зимовьем, бегущими по поляне бурундуками, и мечтательно произнес:

— Paradise... (Рай...)

Я добавил:

— Paradise... if without mosquito (Рай... если без комаров).

Он подумал-подумал и уточнил:

— Paradise... for mosquito (Рай... для комаров).

Итальянцы с американцем улетели утром, вечером того же дня убили одного из двух медведей, которые ходили вокруг заимки.

Сначала мишки боялись всяких резких звуков, убегали от лая собаки, но постепенно стали смелеть и вставать на задние лапы. Инспектора, профессиональные охотники, сказали, что если медведь встал на задние лапы — значит он тебя уже не боится и вызывает на поединок.

Во второго стреляли тем же вечером, но промахнулись, поскольку было уже темно, и он исчез на десять дней.

Вертолет, забравший итальянцев, должен был сначала сесть на Чеко, забрать для нас лодку и генератор, и уже от нас лететь в Ванавару. По каким-то причинам последовательность маршрута поменялась, и мы оказались без лодки и генератора, но с канистрами бензина.

Все интересовавшие нас объекты — кратеры Тунгусского метеорита, а точнее Тунгусской кометы — это сейчас болота, по которым мы планировали перемещать радар в резиновой лодке.

Тунгусское событие произошло 30 июня 1908 года. В атмосферу Земли вторглась комета — огромная ледяная глыба — космический айсберг.

При своем полете она стала рваться на куски, как перегретый паровой котел, создавая непрерывную канонаду. Окончательный взрыв произошел на высоте от 5 до 10 км. Глыбы льда, не успевшие превратиться в пар, выбили на земле кратеры на территории более двух тысяч квадратных километров. Сейчас эти кратеры называют воронками.

Но если кометный лед не превратился в воду и пар, то его температура была не выше нуля градусов. На этом участке Тунгусской тайги вечная мерзлота начинается с 20-40 см. Лед при нулевой температуре выбивает в земле воронку и попадает в природный холодильник. Конечно, что-то там плавилось и таяло, но ведь что-то могло и остаться. Тогда кометное вещество не надо добывать из космоса, а можно просто достать из воронки.

Для проверки этой гипотезы мы и собирались получить разрезы кратеров.

Займка построена Л.А. Куликом — первым исследователем Тунгусского метеорита — на месте эпицентра взрыва в тридцатые годы. Эпицентр он определил по вывалу деревьев. Ствол их направлен от эпицентра в противоположную сторону. В самом эпицентре находились так называемые «телеграфники» — стоячие стволы деревьев без сучков. Удивительно, но и сейчас, через сто один год, и «выворотни» и «телеграфники» еще сохранились и часто попадают в тайге.

В двухстах метрах от займки, в ста метрах от вертолетной площадки, находится один из самых больших кратеров — так называемая Сусловская воронка. Ее внешний вал возвышается над средним уровнем болота, она имеет эллипсоидальную форму, вытянутую по направлению север-юг. Кулик пытался ее осушать, для чего в борту прорыли канаву глубиной четыре метра, но дна не достигли. Потом пытались бурить, но тоже безрезультатно.

От строительства вертолетной площадки остались доски. Мы их бросили на болото и попробовали по ним ходить. Доски тонули под нашим весом, но достаточно медленно, что позволяло проводить георадарную съемку. Проблема лодки была снята.

На переноску досок и вымостку трассы через болото были брошены все людские ресурсы заимки.

Когда трасса была готова, растянули рулетку и провели профилирование крестом с Севера на Юг, а потом с Запада на Восток. На пересечении профилей сделали зондирование.

Сечение Сусловской воронки оказалось очень интересным. Глубина ее около десяти метров. Дно - вечная мерзлота с большим количеством камней. Над дном, начиная с шести метров, лежит множество ледяных глыб со средними размерами около одного-двух метров.

Что это за глыбы — остатки ли кометы, или просто лед, образовавшийся в сезонных циклах из болотного ила — по радарограмме сказать невозможно. Нужно привлекать специалистов и брать пробы. Здесь даже бурить не надо — над глыбами, по крайней мере летом, находится жидкий болотный ил.

Другие воронки оказались не менее интересными. На них прослеживаются структуры значительно глубже десяти метров. И там тоже отмечаются ледяные глыбы.

В конце концов, как я ни экономил электроэнергию, аккумуляторы прибора на Клюквенной воронке сели. Я сообщил об этом своему компаньону В.А. Алексею. Он здесь не первый раз, и именно он предложил провести георадарную съемку воронок, которые мы планомерно, одну за другой, обследовали.

Алексеич, как его называли инспектора, расстроился и сказал, что надо идти с бензином и прибором на тринадцатый кордон — Пристань — там есть генератор «АБ», но нет бензина. Потом, сообщив, что тут неподалеку есть одно интересное место, убежал куда-то в тайгу.

Его долго не было, и Володя Зарубин, начальник охраны заповедника, заволновался, стал кричать, потом сам пошел в том же направлении. Вернулись они вместе, Володя держался за сердце:

— Где-то рядом бродит медведь, много следов. Когда увидел на траве и кустах волок — аж сердце прихватило — ну, думаю, мишка оприходовал Профессора. А он идет себе не спеша, ничего не слышит! Ребята, не ходите по одному! Ведь это дикий зверь!

— Медведь скрадывает сохатого, не то что человека: слепого, глухого и с полным отсутствием нюха. В прошлом году медведи задрали двух ванаварских охотников.

— Книжку «Злой дух Ямбуя» читали? Это совсем не далеко отсюда. Когда шли к лагерю, несколько раз боковым зрением замечал какое-то слабое движение, вглядывался — ничего.

Ребята-инспектора ушли отдыхать в зимовье, а я расположился за столом под навесом с компьютером. Подымаю голову — на другом конце стола на задних лапах стоит медведь и смотрит на меня! Перед этим ничто не шелохнулось!

Я крикнул:

— Ребята, медведь!

Залаяла и бросилась в ту сторону, держась на расстоянии, собака, которая тоже ничего не слышала и спала у меня под ногами. Медведь не реагировал на крик и лай собаки. Из зимовья выбежал Володя Зарубин и двумя выстрелами из карабина приговорил его к исключительной мере.

Расстояние от Изб до Пристани около двенадцати километров. Примерно одна треть тропы проходит по тайге, остальная по болоту. Болотная тропа — это некоторое среднее направление; с каждым проходом она погружается под воду, поэтому приходится смещаться в сторону и идти по новой временной обочине. Получается нечто широкое, которое напоминает дорогу с многорядным движением.

Впереди идет Володя Зарубин с карабином, сзади Андрей с таким же карабином, потому что много медвежьих следов.

Володя часто останавливается и показывает:

— Видите, какая лапа! Серьезный мужичок! Минут за десять до нас прошел. Они ведь тоже не дураки — чем «дером» по тайге, лучше по тропинке.

Разговор крутится вокруг медведей. Володя рассказывает:

— Жизнь у них совсем не сахар. Когда ты маленький, тебя может сожрать самец, если голодный. К осени должен нагулять жир, иначе в берлоге не перезимуешь. Берлогу должен выкопать так, чтобы весной не залило. Очень важно спрятать ее от «серых братьев» — волков, которые спящего легко разорвут.

Температура почти весь месяц около тридцати градусов. У всех на спинах мокрые пятна, но из камуфляжа не вылезешь — немедленно сожрут комары. По приезду домой рубашки пришлось выбросить — не отстирываются.

По периметру иногда гремит, но дождя нет.

— «Сухогроз», как бы тайгу не подпалил, однако, — говорит Андрей.

Андрей — единственный инспектор — эвенк. Его карабин так же потерт, как и у Володи. Это больной вопрос у начальника охраны:

— Прошу, дайте что-нибудь поновее, например, «Сайгу». Ведь прямо перед иностранцами стыдно! Наш американец тут заявил, что с таким оружием его прадед участвовал в Гражданской войне Севера с Югом.

— Конечно, оружие хорошее, ни разу не подводило, но внешний вид...

В Эвенкии проживает двадцать одна тысяча человек, в основном русских. Эвенков, или тунгусов, сгубил «багдарин» — это по-эвенкийски водка, к которой они не равнодушны. Оставшиеся имеют в частной собственности участки тайги — так называемый «родовой надел». Русские берут тайгу для охоты в аренду. По периметру строят зимовья и на всю зиму уходят охотиться на соболя. Это здесь основной доход для местного населения.

Все в Ванаваре имеют японские автомобили, правда, я не понимаю, зачем. Летом можно ездить только в черте поселка — дорог нет, а для зимника, чтобы добраться за тысячу километров до Красноярска, нужна более серьезная техника.

Зимой — только «Буран». Тут кто-то купил иностранный снегоход, так чуть и сам не погиб: две передних лыжи сгребают всю низкорослую растительность, четырехтактный двигатель с водяным охлаждением в шестидесятиградусный мороз не заводится, сплошная широкая гусеница насаживается на пни.

Некоторые в Ванаваре вставляют пластиковые окна, хотя кругом тайга, и даже тротуары сделаны из дерева. Вот этого уже совсем не понимаю.

Пластик — это фенол, который будет «газить» многие годы. Я до сих пор вспоминаю свою рабочую комнату в университете Штутгарта, где работал полгода. Она была полностью из пластика: стены, пол, потолок, шкафы, столы. Открывая утром дверь, отскакивал в сторону, чтобы не задохнуться. Затем, набрав воздуха, бежал открывать окно.

Тропа Кулика — это наземный и водный путь к Избам от Ванавары. Сейчас его можно преодолеть, имея лодку и бензопилу, недели за две. Бензопила нужна для расчистки завалов на реке.

Кулик шел большим обозом, строя по пути зимовья. Последняя перед Избами остановка — Пристань — расположена на реке Хушмо.

Это просто санаторий! Тридцатиметровый водопад Чургим, кристальная вода в реке, кругом родники.

И, наконец, баня... Я ее начинал топить каждый день прямо с утра.

В прошлом году, когда отмечалось сто лет Тунгусскому метеориту, управлением Красноярского края были выделены деньги на постройку вертолетных площадок и строительство нового деревянного дома

для инспекторов и посетителей заповедника, бани и ледника. Дом расположен на высоком, хорошо продуваемом берегу так, что иногда и комаров нет.

Зимовье Кулика, лабазы и старая баня тоже сохранились, но ими уже не пользуются за ненадобностью.

Обед по поводу нашего прибытия был усилен Любой и Наташей вкуснейшими домашними пирожками. Профессионализм их существенно выше нашего: борщи, оладьи, самодельный квас, жареный хариус.

Хариус можно употреблять и сырым, предварительно посолив. Через двадцать минут можно есть. Ловится он тут же, в речке. Махнул рукой над головой — и у тебя в ладони несколько слепней. Посадил одного из них на крючок — и через пять секунд у тебя в руках хариус.

На Избах наша фантазия выше макарон с тушенкой и чая не поднималась. Впрочем, ниже тоже не опускалась. Это было повседневное блюдо. Был, правда, пока не кончился, еще кофе.

Люба и Наташа родом с Украины, и обе фанатки здешних мест. Приехали когда-то «за туманом и за запахом тайги», да так и не могут оторваться — приезжают каждый год. Люба — предпринимательница из Сургута, ее вклад этого года — оплата вертолета. Наташа — бухгалтер в небольшом украинском городке, и таких средств у нее нет. Весь год она копит деньги, чтобы приехать сюда в свой отпуск, выдерживая прессинг сына и мужа и предложения поехать на море.

Наташа говорит, что лучше здешних мест она не знает:

— Я когда-то мечтала быть геологом, не получилось. А тут, когда встану пораньше, сяду на лавочку над обрывом и наблюдаю рассвет, как будто мечта моей жизни исполнилась.

Насколько я знаю, Академия наук вообще не выделяет деньги на исследования, поэтому здесь все на общественных началах.

В 1958 г. была организована КСЭ — Комплексная Самодеятельная Экспедиция. До недавнего времени ее возглавлял ныне умерший доктор медицинских наук Н.В. Васильев. Кстати, он тоже с Украины.

КСЭ проводит семинары, печатает работы, организует конференции — и все на общественных началах. Здесь есть свои ученые, писатели, поэты, музыканты. В свою орбиту КСЭ втянула итальянцев, немцев, американцев.

Говорят, что это первый год, когда не приехал Виктор Черников, бард Тунгусского метеорита. Говорят, что серьезно болен. Все вспоминают его песни под гитару и цитируют их содержание:

А Леночка рыдает — не хочет улетать.

*В Муторае — хорошо,
На заимке — плохо.*

*Но мы еще рвемся вперед,
И вехами путь наш отмечен,
Но время нас ядрами бьет
И скоро дойдет до картечи.*

Когда летели на Ванавару, на болотах видели кресты трасс своей георадарной съемки. Они должны быть видны из космоса. У любителей Google Earth они могут опять вызвать переполох и возродить гипотезу о пришельцах, что с нами уже было на Тамани.

Эпизод 22.

Как мы нашли Тунгусский метеорит

На моей ладони тает кусочек голубоватого прозрачного льда. Он только что был поднят ручным буром с глубины семь метров на одной из воронок Тунгусского метеорита.

Этот кусочек прибыл в Тунгусскую тайгу из космоса 30 июня 1908 года в виде малой составной части огромного космического айсберга.

То, что Тунгусский метеорит — это ледяная комета, вызывает мало сомнений, когда более детально познакомишься с результатами исследований. Многочисленные иные гипотезы маловероятны. Вот наиболее весомые аргументы.

1. За несколько дней до события в масштабах всей Земли наблюдались необычные явления — «предвестники», которые заключались в аномально высокой светимости вечернего и ночного неба, а так же в появлении странных «серебристых облаков». Это Земля вошла в хвост кометы.
2. Во время падения кометы слышалась, как отмечали свидетели, непрерывная «канонада». Это перегретая во время падения ледяная глыба разрывалась на части и даже меняла траекторию полета.